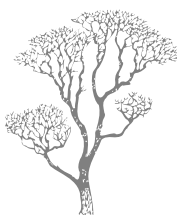

> МАГИСТРАЛЪ >

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Зеленые тени,
Белый Кит

Москва
2024

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б89

Ray Bradbury

GREEN SHADOWS, WHITE WHALE

© 1992 by Ray Bradbury

Перевод с английского и послесловие *Арама Оганяна*

Художественное оформление *Н. Портяной*

Брэдбери, Рэй.

Б89 Зеленые тени, Белый Кит / Рэй Брэдбери ; [перевод с английского А. Оганяна]. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-199615-4

Этой во многом автобиографичной книги могло бы не существовать, если бы известный голливудский режиссер Джон Хьюстон в 1953 году не предложил Рэю Брэдбери приехать в Ирландию и написать сценарий к экранизации «Моби Дика». С тех пор «Изумрудный остров» стал одной из любимых «этнических» тем Брэдбери: именно ему он посвятил множество своих великолепных рассказов.

Роман «Зеленые тени, Белый Кит» — это запоздалое признание в любви людям, стране и народу, с которыми его свела судьба много лет назад.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Оганян А., перевод на русский язык,
примечания, 2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199615-4

*С любовью и благодарностью —
Кэти Хуриган,
которая помогла мне расставить
по полочкам Дублин и не только,*

*Регине Фергюсон,
которая заботилась о моей семье
холодной ирландской зимой,*

*Гектору Фаброну,
владельцу отеля «Ройял хайбериен»,*

*метрдотелю Пэдди
и всему гостиничному персоналу.*

Светлой памяти Гебера Финна,

*Нику (Майку),
моему таксисту, и всем ребятам
из паба посвящаю этот запоздалый букет*

ГЛАВА 1

Я выглянул с палубы парома «Дан-Лэри» и увидел Ирландию.

Земля была зеленая.

Не просто заурядно зеленая, а всех тонов и оттенков. Зелеными были даже тени и блики, игравшие на причале Дан-Лэри и на лицах таможенных инспекторов. И я — молодой американец тридцати лет от роду, страдающий двумя видами депрессии и нагруженный пишущей машинкой, — окунулся в эту зелень.

Узрев свет, траву, холмы, тени, я воскликнул:

— Зеленая! Как на рекламных плакатах. Ирландия — зеленая. Чтоб я сдох! Зеленая!

Молния! Гром! Солнце скрылось. Зелень исчезла. Огромное небо занавесили дожди. Я опешил, чувствуя, как улыбка сползает с моего лица. Седой, заросший щетиной таможенник подал мне знак:

— Сюда! Таможенный досмотр!

— Куда она подевалась? — жалобно сказал я. — Зелень! Она же только что была! А теперь...

— Зелень, говорите?

Инспектор посмотрел на свои часы.

— Она появится, когда выглянет солнце, — заявил он.

— И когда же это произойдет?

Старик перелистал таможенный свод.

— В этих чертовых инструкциях ничего не сказано, когда и где выйдет солнце и выйдет ли оно в Ирландии вообще. — Он воспользовался носом вместо указки. — Вон там есть церковь, поинтересуйтесь у них.

— Я пробуду здесь шесть месяцев. Может...

— ...вы снова увидите солнце и зелень? Есть такая вероятность. Но в двадцать восьмом году дождь лил двести дней. В тот год у нас уродилось грибов больше, чем детей.

— Это факт?

— Нет, слухи. Но в Ирландии ничего другого и не надо: кто-то услышал, кто-то сказал, и дело сделано! Это весь ваш багаж?

Я предъявил пишушую машинку и худющий чемодан:

— Путешествую налегке. Все получилось так быстро. Основной багаж прибдет на той неделе.

— Впервые в Ирландии?

— Нет. Однажды, в тридцать девятом, я, тогда еще бедный, непризнанный и восемнадцатилетний, прибыл сюда на сухогрузе.

— Что привело вас в Ирландию?

Инспектор послунывил карандаш и приготовился марать им бумагу.

— Безумие, — ляпнул я.

Его карандаш запнулся. Инспектор поднял на меня глаза:

— Для начала просто великолепно. Но что вы хотите этим сказать?

— Сумасшествие.

Довольный, он подался вперед, сторая от нетерпения.

— И какого характера? — вежливо осведомился он.

— Разновидностей две. Литературная и психологическая. Я здесь для того, чтобы освеживать и выпотрошить Белого Кита.

— Освеживать, — записал он. — Выпотрошить Белого Кита. Это, стало быть, Моби Дика?

— А вы читаете книжки! — воскликнул я, вытащив из-под мышки эту самую книгу.

— Когда есть настроение. — Он подчеркнул записанное. — Чудовище проживает у нас в доме лет двадцать. Я вступал с ним в единоборство дважды. Оно слишком тяжеловесное, и объемом, и авторским замыслом.

— Да, — согласился я. — Я брался за него десять раз, пока месяц назад меня на это дело не завербовала киностудия. Теперь я должен покончить с ним раз и навсегда.

Инспектор кивнул, смерил меня взглядом с ног до головы и провозгласил:

— Итак, вы прибыли писать сценарий! В Ирландии есть только один киношник. Как его? Высоченный, с таким помятым обезьяньим лицом, красивая речь. Сказал: «Больше никогда». Сел на паром, чтобы испытать на себе Ирландское море. Испытал. Изрыгнул из себя обед с завтраком. Как побледнел! Еле удерживал под мышкой Китовую книгу. «Больше никогда!» — кричал. А ты, парень, сможешь одолеть эту книгу?

— Неужто вам это не удалось?

— Кит здесь не пришвартовывался. Так, с литературой понятно. Что вы говорили насчет чего-то там психологического? Вы прибыли понаблюдать, как католики напропалую врут, а унитаристы обнажают грудь?

— Нет-нет, — поспешил я его заверить, вспоминая прошлый приезд сюда, когда стояла жуткая погода. —

Между моими погружениями в поисках Кита я собираюсь изучать ирландцев.

— Это и Господу Богу оказалось не под силу. Вам ли с Ним тягаться? Не стоит и пробовать! — Он поднял свой карандаш.

— Ну... — сказал я, натягивая на голову черный мешок, завязывая петлю на шее и нажимая на рычаг, чтобы провалиться в люк. — Простите, но это единственный берег в мире, где я мечтаю высадиться. Он такой таинственный. Ребенком, когда я проходил по ирландскому кварталу на окраине города, ирландцы колошматили меня. А когда они появлялись в нашем квартале, мы колошматили их. Целых полжизни я ломал голову, зачем мы это делали. Я вырос озадаченным...

— Озадаченным? И это все? — вскричал инспектор.

— Да, ирландцы озадачили меня. Я не столько испытываю к ним неприязнь, сколько мучаюсь своим прошлым. Меня не интересуют ни ирландский виски, ни ирландские тенора. Ирландский кофе тоже мне не по нутру. Можно долго перечислять. Я жил с этими жуткими предрассудками и должен от них избавиться. И так как киностудия назначила меня выслеживать Кита в Ирландии, я подумал: «Боже мой, я смогу сравнить действительность со своими предубеждениями. Я должен навсегда извести этого призрака». Можно сказать, — неубедительно закончил я, — что я пришел увидеть ирландцев.

— Нет! *Услышьте* нас. Но наш язык не связан с мозгом. *Увидеть* нас? Так нас тут нет, сынок. Мы — там, а может, еще дальше. Можно позаимствовать эти очки?

Он очень деликатно снял с меня очки и надел на себя:

— Э! Да у вас тут стопроцентное зрение!

— Да.

— Нет-нет. Фокус слишком точный. Вам нужно нечто, от чего преломляется свет и получается что-то вроде мглы или тумана, но не дождя. Вот тогда вы увидите, как мы плаваем — чуть не тонем — на спине, как та девица в «Гамлете»...

— Офелия?

— Именно. Бедняжка. Ну! — Он водрузил очки мне на переносицу. — Когда захотите присмотреться к толпе, снимите их, а не то увидите, как мы маршируем налево, вместо того чтобы повернуть направо. И все равно вам не раскусить ирландцев. Можете зондировать, прощупывать, докапываться. Мы не столько народ, сколько погода. Прорентгеньте нас, вырвите из нас с корнем скелеты, а к утру мы регенерируем. Вы правы во всем, что сказали!

— Прав? — изумился я.

Инспектор в голове составил свой список:

— Кофе? Мы не поджариваем зерна — мы их сжигаем! Экономика? Музыка? Они у нас два в одном. Потому что есть нищие, брэнчащие на расстроенных банджо на мосту О'Коннела; нищие, волокущие вокруг парка Святого Стефана пианолы, которые звучат как бетономешалки, набитые бритвами. Ирландки? Все ростом три фута, ножки короткие, вместо носов пятячки. Можно на них опереться, можно прикрыться ими от дождя, но чтоб гоняться за ними с серьезными намерениями по болотам... А Ирландия? Самая большая в мире исправительная колония под открытым небом... большой ипподром, где попы играют на тотализаторе, принимают ставки и выплачивают по ним в день Страшного суда. Отправляйтесь-ка домой. Мы вам не понравимся!

— Я не испытываю к вам неприязни...

— Еще испытаете! Послушайте! — Старик перешел на шепот. — Видите эту толпу ирландцев, спешащих покинуть остров, пока он не затонул? Они держат путь в Париж, Австралию, Бостон. До второго пришествия. Вы спросите: зачем вся эта суета с бегством из Ирландии? Ну, если у вас воскресным вечером выбор: посмотреть фильм тридцать первого года с Гретой Гарбо в кинотеатре «Развеселый», либо помочиться у памятника поэту близ театра «Гейт», либо броситься для развлечения в реку Лиффи со счастливой надеждой утонуть, тогда вам наверняка захочется отсюда смотаться, что они и делают — уйма народу каждый день, с того самого дня, как застрелили Линкольна. Население сократилось с восьми миллионов до трех без малого. Еще один картофельный голод или еще один густой туман, в котором все уложат вещички, на цыпочках переберутся на ту сторону и притворятся филладельфийской полицией, — и Ирландия опустеет. Вы не сказали мне про Ирландию ничего такого, чего бы я не знал!

Я пришел в замешательство:

— Надеюсь, я не обидел вас.

— Было приятно услышать, что вы думаете. А эта книга, которую вы пишете. Она... порнографическая?

— Я не собираюсь изучать сексуальные привычки ирландцев.

— Жаль. Они остро в этом нуждаются. Ну, Дублин перед вами! Удачи, юноша!

— До свидания... и спасибо!

Старик недоверчиво покосился на небо:

— Ты слышал? Он сказал «спасибо».

Я побежал и растворился в молниях, громе и тьме. Где-то в вечерних сумерках играла расстроенная арфа.

ГЛАВА 2

Я сошел с поезда, который привез меня на пароме, проехал на такси по залитым дождем улицам и наконец вселился в отель «Ройял хайберниен», потом позвонил в Килкок узнать, могу ли я встретиться с самим дьяволом, как выразился служащий в регистратуре, передавая мой багаж носильщику, а тот поднялся со мной в трясушем лифте в номер, чтобы поставить мои чемоданы там, где у них «не прорастут корни», и отшатнулся от меня, словно не увидел моего отражения в зеркале.

— Сэр, — спросил он, — а вы, наверное, какой-нибудь известный писатель?

— Наверное, — ответил я. — Что-то вроде.

— Ммм... — Носильщик почесал в затылке. — Я тут наводил справки в пабе, в вестибюле, на кухне — никто про вас слыхом не слыхивал.

У двери он обернулся.

— Не беспокойтесь, — заверил он меня, — ваша тайна в надежных руках.

Дверь тихонько затворилась.

Я вдруг почувствовал, что с ума схожу по Ирландии или по Китаю. Не зная точно, по чему именно, я взял такси, которое зигзагами поехало по улицам, забитым десятками тысяч велосипедов. Мы взяли курс на запад вдоль реки Лиффи.

— Как поедем, длинным путем или коротким? — осведомился водитель. — В объезд или напрямик?

— Напрямик...

— Так дороже, — перебил меня таксист. — Длинным — дешевле. Поболтаем! Вы разговариваете? К концу поездки я настолько расслабляюсь, что забы-

ваю про чаевые. К тому же я — карта, атлас и путеводитель по Лиффи и окрестностям. Ну так как?

— Длинным.

— Длинным так длинным!

Он ударил по газу, словно нужно было разбудить педаль, сбрил кожу с десятка велосипедистов и помчался, следуя извилам Лиффи, рассекая воздух. И все это только для того, чтобы услышать, как зачихал и сдох мотор, когда до Килкока было уже рукой подать.

Мы заглянули в зияющую могилу давно почившего мотора. Мой шофер поигрывал кувалдой, раздумывая, не добить ли двигатель, чтоб не мучился, потом открыл багажник, извлек оттуда велосипед и протянул мне. Я его не взял, и тот грохнулся наземь.

— Ну что вы, что вы. — Он снова протянул мне велосипед. — Вам совсем недалеко осталось. Вот по этой дороге. — И встряхнул его. — Залезайте.

— Я уже давно...

— Руки вспомнят, сидалище привыкнет. Садитесь.

Я сел, глаза на мертвый автомобиль и его беззаботного хозяина.

— Что-то не похоже, что вы расстроены.

— Машины как женщины, надо только узнать, как они заводятся. Катитесь. Под горку. Осторожно. Тормоза на нем еще те.

— Спасибо! — прокричал я, уносимый велосипедом вдаль.

ГЛАВА 3

Через десять минут я остановился на гребне подъема и прислушался.

Кто-то насвистывал и напевал «Молли Малоун». На холме, жутко вихляя, крутил педали пожилой человек

на велосипеде ничем не лучше моего. На самом верху он свалился и остался лежать рядом с велосипедом.

— Старина, ты уже не тот, каким был раньше! — воскликнул он и пнул ногой шины. — Вот так и валяйся тут, зверюга!

Не обращая на меня внимания, он достал бутылку. Приложился к ней философски, затем подержал вверх дном, чтобы последняя капля скатилась ему на язык.

Наконец я заговорил:

— Похоже, нас обоих постигла та же участь. Что-нибудь случилось?

Старикан уставился на меня:

— Уж не голос ли американца я слышу?

— Да. Могу ли я вам помочь?..

Старик указал на пустую бутылку:

— Помощь бывает разная. Пока я забирался в гору, меня осенило, что ведь нам обоим, мне и этому чертову драндулету, по семьдесят лет.

Тут он слегка ткнул в велосипед.

— Поздравляю.

— С чем? Что дышу? Так это привычка, а не заслуга. Позвольте спросить, чего это вы так на меня тарашитесь?

Я отпрянул:

— Э-э... есть ли у вас родственник в доках на таможне?

— А у кого нет? — Хватая ртом воздух, он потянулся к велосипеду. — А-а, минутный отдых, и мы со зверь-машинной уже в пути. Мы не знаем, куда держим путь. Я и Салли — так зовут велосипед, видите ли, — каждый день выбираем дорогу и едем по ней.

Я попытался пошутить:

— А ваша матушка знает, что вы здесь?

Старик словно опешил: